

ЛЕТА. РЕКА ЗАБВЕНИЯ

ТИМЧЕНКО АЛЕКСАНДР

ОНИ ПАМЯТЬ ЭТОГО ПОСЕЛКА

Александр Тимченко
Лета. Река забвения

«Автор»

2026

Тимченко А.

Лета. Река забвения / А. Тимченко — «Автор», 2026

«ЛЕТА. РЕКА ЗАБВЕНИЯ» 2005 год. Калининградская область. Маленький посёлок на границе с Польшей. Четверо друзей — прожигают последние дни каникул за GTA San Andreas. Но однажды свет гаснет не только в мониторах. Во всём посёлке отключается электричество. Молчат телефоны. А главное — взрослые начинают забывать. Сначала мелочи. А потом — целые дни. Ребятам предстоит разобраться: что за «геомагнитная аномалия» скрывается за военными патрулями и запретным периметром? Кто посылает таинственный радио сигнал? И почему только подростки все помнят? Им нельзя ошибаться. У них нет взрослых, которым можно верить. Зато есть дружба, смекалка и одна ночь, чтобы спасти целый посёлок. Хочешь вспомнить, каково это — когда настоящее приключение стучится в дверь? Для кого: ## для всех, кто вырос в 2000-е и знает, как закончить фразу "районы-кварталы"; для любителей «Очень странных дел» и «Тайны перевала Дятлова»; для тех, кто верит, что иногда дети умнее взрослых.

© Тимченко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Патрон	6
Глава 2. Участковый	10
Глава 3. Периметр	13
Глава 4. Странная встреча	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Тимченко

Лета. Река забвения

Предисловие

— Пап, расскажи историю.

Леона лежит рядом, уткнувшись носом мне в плечо. На улице уже темно, только тёплый свет фонаря под окном пробивается сквозь шторы. Пять лет — это возраст, когда истории нужны каждый вечер. Особенно про то, как я был маленьким.

— Какую?

— Про детство. Про то, где ты вырос.

Я глажу её по голове и смотрю в потолок. Там, за белой краской, за третьим этажом, за двадцатью годами, — остался посёлок К. Вышка мобильной связи на въезде. Зброшенная военная часть. Лес, в котором мы построили штаб. И четверо пацанов, не подозревающих, что обычные летние каникулы однажды превратятся в историю, которую я буду рассказывать своей дочери.

— Ну па-ап.

— Хорошо. Слушай.

Это случилось в две тысячи пятом. Я был на 10 лет старше тебя — и с вечно дрожащим левым глазом, когда волновался. Мы играли в GTA, жгли костры там, где не надо, и совсем не умели бояться по-настоящему.

А потом погас свет.

И всё завертелось.

— Долгая история?

— Достаточно, чтобы ты уснула. Но обещать не могу — там есть места, от которых спать расхочется.

Она придвинулась ближе. Я вздохнул и начал...

Посвящается моей дочери Леоне, которая не засыпает без историй. И друзьям, с которыми мы их прожили.

Глава 1. Патрон

24 августа 2005

Жадный Антон. Это прозвище прилипло к нему неспроста. И последние числа августа две тысячи пятого года стали тому ярким подтверждением.

Это было лето, когда из каждого утюга «Звери» пели про районы-кварталы, а в кинотеатрах крутили «Мадагаскар». Самые жаркие дни, к сожалению, остались позади. Теперь ребят ждало первое сентября в придачу со школой, контрольными и одноклассниками. Но впереди ещё целая неделя ничем не омрачённой свободы. И эту свободу четверо друзей — Саша, Ваня, Антон и Макс — тратили на самый священный ритуал: многочасовую игровую сессию.

Собрались у Антона. Его компьютер был предметом всеобщей зависти и гордости. Не какой-то древний «Пентиум», со скрипом тянувший «CS 1.6», а мощный, по меркам 2005 года, агрегат на базе процессора Intel Celeron. Интернета в посёлке, отрезанном от цивилизации болотами и границей, не было и в помине. Игры добывали по цепочке: кто-то привозил из Калининграда потрёпанный компакт-диск, и его содержимое, занимающее смешные по нынешним меркам 700–800 мегабайт, кочевало с жёсткого диска на жёсткий диск, обрстая царапинами.

В тот день настал черёд легенды — GTA: San Andreas. Тёплые тона Лос-Сантоса, гангста-рэп и Си Джей, стреляющий в Ballas, заворачивали. Договорились, как всегда, честно: по очереди, миссия за миссией. Но стоило Антону усесться в скрипучее кресло, как пальцы впились в мышку, а глаза прилипали к монитору, и договорённости испарялись.

— Антон, давай уже, моя очередь! — нетерпеливо ёрзал сзади Ваня.

— Сейчас, сейчас, эту миссию только доделаю... Ну одну ещё, ладно? За углом гараж, я там тачку классную видел, — бормотал Антон, даже не оборачиваясь.

За его спиной столпились остальные. Саша, пытавшийся сохранить видимость спокойствия, переминался с ноги на ногу. Макс, прислонившись к стене, уже двадцать минут смотрел в потолок с видом философа. Прошёл час. Два. Воздух в комнате стал густым от жара системного блока и всеобщего раздражения.

— Да ладно вам, — сквозь зубы процедил Антон, в очередной раз увидев на экране «Потрачено». — Вот сейчас точно...

Он не договорил. Монитор погас. Ровно, тихо, без судорог. Тёплые краски San Andreas схлопнулись в чёрную точку и исчезли. Удивлённо поморгал системный блок, и вентиляторы затихли. В комнате повисла гробовая тишина, нарушаемая только чириканьем воробьёв за окном.

Саша фыркнул:

— Это тебе знак, Антон. Карма. Наказание за жадность. Надо делиться с друзьями.

Антон злобно швырнул мышку на стол.

— Да отстань! Пробки, наверное, выбило. Идиотская сеть. Ладно, пошли гулять, раз электричества нет.

Предложение было спасительным. На дворе стоял обычный летний день. Воздух, пахнувший нагретой хвоей и скошенной травой, был густой и сладкий. Ребята натянули кеды и высыпали из подъезда типовой пятиэтажной хрущёвки, каких в России — великое множество. Их мир, мир детства, был крошечным и понятным: посёлок городского типа К., бывший военный городок при одной из самых крупных танковых частей Прибалтийского военного округа.

Теперь от той мощи остался «Полк». Так они называли территорию заброшенной воинской части. Три на три километра забвения. Казармы с пустыми глазницами окон, гигантский плац, треснувший и заросший подорожником, ангары для танков, где эхо шепталось с тенями. Гулять по самому посёлку было тоскливо. Четыре магазина («Продукты», «Хозтовары», «Промтовары» и казённый «Военторг»), почта, школа. Недавно на въезде, как памятник наступающему будущему, выросла могучая вышка мобильной связи. В девяносто третьем часть расформировали, и жизнь из посёлка К. ушла как вода в песок. Но для мальчишек полк стал Эльдorado — местом, где можно было всё: лазать по руинам, играть в войну, прятаться в бесконечных подвалах. Официально территория принадлежала какому-то московскому фонду, и её охраняли пара старых прапорщиков — бывших служащих части. Для них это было кладбищем их молодости и империи, которую они потеряли. Они яростно гоняли мальчишек, если те лезли в бывшие административные здания, но смотрели сквозь пальцы на футбол на заросшем поле или упражнения на ржавых турниках спортивного городка.

В тот день ребята свернули в сторону старого танкового стрельбища. Это было другое царство — не казармы и плац, а огромное, поросшее бурьяном и низким кустарником поле, изрытое полузаросшими воронками и усеянное гильзами. Воздух здесь был особенный, с запахом горькой полыни, сырой земли и едва уловимым, вьёвшимся в почву за десятилетия металлическим духом — смесью ржавчины и старого пороха.

Их «мародёрство» здесь имело чёткую цель. Они ходили, уткнувшись носом в землю, высматривая в траве не яблоки, а «семидырки» — семидырные артиллерийские пороховые пашки-трубки или, ещё лучше, целые гильзы от патронов. Их в полку было бесконечное множество — наследие могучей армии, ставшее теперь детскими трофеями. «Семидырки», брошенные в костёр, весело и яростно шипели, выбрасывая столб искр и едкого дыма. Но главным кушем, настоящей удачей считался целый, нестреляный патрон. По правилам, военные должны были отчитываться за каждый выданный боеприпас, но в нашей действительности, особенно в лихие 90-е, патроны терялись, списывались «как отстрелянные» и навсегда оставались лежать в земле. Найти такой — было всё равно что выиграть в лотерею.

— У-у-ух ты! Пацаны, глянь! — вдруг крикнул Макс, замирая на месте. Он медленно поднял с земли серо-стальной цилиндр с острым носиком. В его руке лежал целый, невредимый патрон. Короткий, холодный, с острым носиком — 5,45 мм, от Калашникова. Настоящий. Миниатюрная машина смерти, ставшая игрушкой.

— Ну всё, — сказал Ваня, и в его голосе зазвучал знакомый лихой и безрассудный азарт. — Разводим костёр.

Это была самая идиотская, самая бездумная и оттого невероятно притягательная затея, которую они проворачивали раз-другой в месяц. Ритуал. Их личная, подростковая русская рулетка. Они быстро, привычными движениями, собрали сушняк и подожгли. Огонь жадно принялся пожирать хворост, отбрасывая на их серьёзные лица прыгающие тени. Все знали правила и помнили страшную, ходившую по посёлкам байку о парне из соседней деревни, которого такая вот «игральная» пуля из костра зацепила навывлет, покалечила на всю жизнь.

От этого знания в горле пересыхало, а в животе холодело, но ноги сами несли вперёд, к огню. Антон взял у Макса патрон. На секунду все замирают, глядя, как огненный свет играет на латунной гильзе.

— Ну что... — прошептал Антон. — По старой схеме. — Он делает широкий замах и швыряет патрон прямо в самую гущу пламени.

— Валим!

И все бросаются врассыпную. Примерно через пять секунд из огня вырвалось не шипение, а сухой хлесткий щелчок — это сработал капсюль. И следом — оглушительный, резкий, как удар хлыстом, ВЗРЫВ. Не такой, как в кино, а короткий, яростный, неожиданно близкий. Из костра, будто разъярённая оса, с тонким злобным свистом вылетела раскалённая докрасна пуля. В тот же миг инстинкт, усиленный предыдущими «играми», дёрнул их тела к земле. Они лежали, уткнувшись лицом вниз. Над головой пронеслось что-то раскалённое и стремительное, разрезая воздух. Сердце колотилось, выпрыгивая из груди, в ушах звенело от выстрела, а по спине бежал ледяной пот страха. Они лежали, не дыша, прижавшись к земле, и этот страх был живым, острым и всепоглощающим.

Прежде чем они успели прийти в себя, из-за поворота старой бетонки, ведущей к стрельбищу, донёсся яростный лай и крик, пьяный от злости:

— Сволочи мелкие! Опять вы тут, уроды?!

На краю поля стояли два охранника, а с ними — овчарка на поводке, которая уже рвалась вперёд. «Нас нашли», — пронеслось в голове, разрыв патрона был слишком громким и был слышен далеко.

— Шухер! — дико крикнул кто-то, и это слово вновь становится для них спасительным паролем.

Они вскочили как ошпаренные и помчались через поле к забору на другом конце, петляя между воронок. Сзади доносились ругательства и всё приближался лай собаки.

Ноги путались в бурьяне, дыхание рвалось из груди клочьями, но страх гнал вперёд. Они перелетели через забор, как птицы, не чувствуя ни колючек, ни ударов о ржавое железо. Только отбежав на безопасное расстояние, остановились, опёрлись руками о колени и стали жадно глотать воздух. Сначала никто не мог вымолвить ни слова. Потом, встретившись взглядами и увидев в глазах друг друга тот же дикий ужас и странное, искажённое облегчение, они разразились диким смехом. Смеялись истерично, до слёз и боли в животе. Они были живы. Они снова удрали. А патрон... он был взорван. И это было так страшно и так... круто.

— Ладно, — вздохнул Антон, у которого уже чесались руки снова сесть за компьютер. — Пошли ко мне, свет уже, наверное, дали.

— Уж нет, — твёрдо заявил Саша, вспомнив утреннюю несправедливость. — Ты опять всех зажёшь. У меня дома никого. Пошли ко мне. У меня поиграем.

В Сашиной квартире пахло уютом и свежестью. Он поставил чайник, выложил на стол пачку печенья «Юбилейное» и банку варенья. С торжествующим видом нажал кнопку на системном блоке своего более скромного компьютера. И... ничего не произошло. Не зажужжали вентиляторы, не замигал светодиод.

— Странно...

Саша щёлкнул выключателем настольной лампы. Лампа не загорелась. В квартире стояла тишина, нарушаемая только тиканьем настенных часов.

— Во всём доме света нет? — прошептал Ваня.

Ребята разбежались по квартире, щёлкали выключателями. Ничего. Саша выскочил на лестничную клетку. Там было тихо, только лучи уходящего солнца пробивались через окно на площадку. Он спустился к этажному щитку. Автоматы были во взведённом состоянии. Но соседский счётчик с вращающимся диском стоял намертво. Диск не двигался.

Лёгкая неуверенность, игольчатая и холодная, кольнула Сашу под ложечкой. Он вернулся.

— Нет света. Во всём подъезде. И счётчик не крутится.

— Гроза, может? — предположил Антон, но за окном было ясно.

— Пошли погуляем, — снова предложил Макс, но в его голосе уже не было прежнего сарказма, а лишь горечь от неудавшейся игры.

Они вышли. И замерли.

Посёлок погружался в сумерки, но этого как будто никто не заметил. На улицах не горели фонари. Ни один. Окна домов были тёмными, слепыми. Не слышно было привычного гула телевизоров, не видно синего мерцания экранов в окнах. Тишина была абсолютной, давящей, ни музыки, ни криков, ни рёва мопеда. Только тревожное стрекотание кузнечиков и где-то вдали одинокий лай собаки. Такой тишины в посёлке не было давно.

Стемнело. Небо, усеянное невероятно яркими звёздами — так бывает когда вдруг исчезает привычный свет привычной цивилизации, — нависло чёрным колпаком. Посёлок исчез, растворился во тьме. Только смутные силуэты домов угадывались на фоне чуть более светлого неба. Ребята, не стовариваясь, поплелись по домам.

Саша зашёл в свою квартиру. В гостиной при тусклом свете керосиновой лампы сидели родители. Мать, Ольга Сергеевна, с сосредоточенным лицом штопала что-то. Отец, Анатолий Сергеевич, участковый уполномоченный, сидел у окна и смотрел в чёрный квадрат ночи.

Глава 2. Участковый

24 августа 2005

Сегодня Анатолий Сергеевич проснулся чуть позже обычного не от звонка будильника, а от настойчивого, но ласкового прикосновения солнечного луча, пробившегося сквозь неплотно задёрнутые шторы. Все домашние ещё спали, и в квартире царила та особенная утренняя тишина, когда мир за окном только пробуждается. Он пошёл на кухню, и яркий свет ударил в лицо, заставляя прищуриться. Небо над городком было безоблачным, обещающим ещё один тёплый августовский день, каких в этом году было в избытке.

Перед выходом он, как обычно, задержался у зеркала. Анатолий Сергеевич всегда выглядел с иголки: выглаженная рубашка, идеально сидящий китель, начищенные до блеска ботинки. Всё в его облике говорило о порядке, дисциплине и уважении к себе и своей работе.

На работу он отправился пешком. Узкие улочки, ещё не прогретые до конца солнцем, были полны привычных звуков: где-то скрипнула калитка, вдалеке залаяла собака, из открытого окна донёсся приглушённый смех. Бабушки уже сидели на лавочках у подъездов, обсуждая последние новости посёлка. Их голоса, переплетающиеся с чириканьем воробьёв, создавали фоновый шум, который Анатолий Сергеевич воспринимал как неотъемлемую часть своей жизни. Дети, ещё сонные, но уже полные энергии, гоняли мяч на пыльной площадке, их звонкие крики разносились по дворам. Два мужика, соседи по подъезду, сидели на скамейке с газетами и бутылкой пива, неспешно обсуждая рыбалку. Обычная жизнь, обычный день. И Анатолий Сергеевич, проходя мимо, кивал им, обмениваясь короткими, но ёмкими фразами, в которых чувствовалось взаимное уважение.

Обычно он приходил в опорный пункт за пятнадцать минут до начала смены, чтобы спокойно выпить чашку чая и настроиться на рабочий лад. И сегодняшней день не был исключением. Он включил старенький компьютер, и вдруг на экране появилось письмо. От коллег из управления. О том, что на днях приедут из службы безопасности. То ли с предложением о сотрудничестве, то ли просто с целью сбора информации и содействия в работе для выявления потенциально неблагоприятных особ. Анатолий Сергеевич был к этому готов. Такие визиты не были редкостью в приграничном посёлке. Он знал, как держать лицо, даже если внутри что-то ёкало, ничто не могло выдать ни капли тревоги. Он был профессионалом. И, откинувшись на спинку стула, подумал: «Дни обещают быть насыщенными».

Открыв большую толстую папку, пахнущую пылью и чужими бедами, он начал работать с заявлениями. Каждое заявление – это чья-то маленькая драма, которую Анатолий Сергеевич должен был распутать, а порой просто выслушать, чтобы человеку стало легче. Вот, например, Попова Матрёна Ивановна, известная на весь посёлок своим буйным нравом и не менее буйным сожителем, Ивановым Андреем Ивановичем. Участковый улыбнулся, читая её корявый почерк:

«Я, Попова Матрёна Ивановна, заявляю, что мой сожитель Иванов Андрей Иванович 23 августа 2005 года нанёс мне удар кулаком в глаз. Прошу применить к нему меры, но не сажать. Тяжело в наше время без мужчины. Отнеситесь с пониманием».

И таких заявлений, где обе стороны (и жертва, и агрессор) были ему известны как облупленные, на столе лежала целая гора. Обычно он приходил, проводил профилактическую беседу первый раз, но если это не помогало, вызывал наряд из соседнего города, и они дебошира возили в обезьянник, так называемую тюрьму в отделении милиции, где за решёткой «особо

буйные» могли провести ночь, а то и две. После чего они становились снова покладистыми. Но, так как у многих людей память коротка, раз в полгода с некоторыми это нужно было проделывать, чтобы держать их в послушании. Вообще, Анатолий Сергеевич был достаточно добрым милиционером. Люди уважали его, любили, но и побаивались. Знали, что его невозможно подкупить. Он был за чистоту и верховенство буквы закона. Хотя в некоторых моментах проявлял гибкость, если это не противоречило его внутреннему кодексу чести.

Закончив разбирать заявления, он уже планировал выходить на подомовой обход, чтобы общаться с дебоширами и просто поддерживать порядок в своём маленьком, но таком важном мире.

Как вдруг резко потух экран монитора. Такое случалось часто в этом посёлке. Перебой с электричеством были привычным делом, особенно в грозу или когда на подстанции проводились плановые работы. Анатолий Сергеевич отложил ручку и потянулся к стационарному телефону, чтобы позвонить технику и уточнить, что случилось. Но телефон молчал. Мёртвая тишина в трубке. Странно. Обычно даже при самых серьёзных авариях связь оставалась.

Он вышел из кабинета. В коридоре было темно, но это не удивило. Из соседних кабинетов доносились приглушённые голоса, но не было привычного шума работающей техники, жужжания ламп дневного света. Он выглянул в окно. Августовское солнце, хоть и клонилось к закату, всё ещё щедро заливало посёлок золотистым светом. В посёлке К. летом темнело поздно, после восьми вечера, так что отсутствие искусственного освещения пока никак не сказывалось на жизни людей. Взяв свой фонарь (скорее по привычке, чем по необходимости) и проверив батарейки, Анатолий Сергеевич покинул опорный пункт.

Улица встретила его привычным летним гулом. Дети всё так же гоняли мяч, их крики и смех разносились далеко по округе. Взрослые стояли группами, обсуждая последние новости и, конечно, отключение света, но без всякой тревоги, скорее с досадой на очередную бытовую неурядицу.

Он пошёл по своему обычному маршруту. Мимо магазина, где у входа стояли люди, обсуждая, что холодильники могут потечь, если свет не дадут до утра. Мимо почты, где бабушки на лавочках всё так же оживлённо переговаривались, не обращая внимания на отсутствие ламп в окнах. Два мужика с пивом всё ещё сидели на месте, их лица выглядели обычными, чуть вялыми от жары.

Анатолий Сергеевич подошёл к ним.

— Здорово, мужики. Что, опять свет вырубил?

Один из них, Петрович, медленно повернул голову.

— А? Здорово, Сергеич. Да вот... сидим. Опять, будь он не ладен, этот свет. Сказали, до утра не будет. Хорошо, хоть светло ещё, можно посидеть по-человечески.

Второй, Михалыч, кивнул.

— Да. Вот, допиваем. Завтра с утра на рыбалку. Может, хоть там отдохнём от этих перебоев.

Анатолий Сергеевич кивнул. Ничего необычного. Он перекинулся с ними парой слов, узнал, как дела, нет ли проблем и что нового в посёлке. Всё было как всегда.

Он вернулся домой. На кухне при тусклом свете лампы его ждала супруга с горячим ужином. И в этот момент в квартиру зашёл Саша.

— Пап, что случилось? — спросил он, и его голос прозвучал громче, чем он хотел. — Почему во всём посёлке нет света? Нигде!

Отец медленно повернул голову. В свете лампы Саша увидел его лицо в котором не было ни капли тревоги.

— Ничего страшного, сынок, — голос отца был бодрым и уверенным. — Давайте ужинать.

Он сделал глоток чая и улыбнулся.

— Завтра будет обычный день.

Глава 3. Периметр

25 августа 2005

Тишина, в которую погрузился Саша на следующее утро, была густой, как кисель. Он проснулся не от писка будильника, а оттого, что этого писка не было. Солнце уже вовсю выжигало росу на подоконнике, длинный луч тыкался в лицо. На механических часах «Командирские» — подарок отца — без пяти девять. Дома никого уже не было. Родители всегда уходили к восьми.

Кухня встретила его пустотой. Не пахло кофе, не шумел советский холодильник «Саратов». Молчание было абсолютным. Саша, движимый привычкой, щёлкнул выключателем настольной лампы — ничего. Всё ещё ничего. Он поставил на газовую плиту алюминиевый чайник, гулко стукнув им о конфорку, звук отозвался эхом в пустой квартире. Позавтракал в тишине, и эта тишина начала давить на барабанные перепонки. Тогда он открыл окно, и квартира наполнилась криками малышни, которая уже гоняла мяч во дворе.

С надеждой он потянулся за своим главным связным с миром — телефоном Siemens C65. Новый, с цветным экраном и камерой. Это был не какой-то кирпич по типу Nokia 3310. А целый центр развлечений в кармане. На экране загорелась знакомая заставка, появилась полная «антенна». И тут же — маленький, но убийственный крестик рядом с ней. «НЕТ СЕТИ». Саша не поверил. Перезагрузил. То же самое. Он подошёл к окну, поднял руку с телефоном выше — ритуал, знакомый каждому, кто жил в зоне неуверенного приёма. Ничего. Вышка мобильной связи, та самая, сорокаметровая стальная паутина, маяк прогресса в их захолустье, стояла на въезде, сверкая на солнце. Но она молчала. Это было невозможно. Она пережила и ураганы с Балтики, и ледяные дожди. Не могла же просто взять и... выключиться.

Червячок беспокойства разом прогрыз путь прямо к сердцу. Нужно было найти друзей.

Макс жил в доме напротив. Саша за какие-то две минуты добежал до него и принялся колотить в знакомую дверь, украшенную наклейкой с черепом и перекрещенными костями.

— Макс! Эй, спящая красавица, вставай!

В ответ — гулкая тишина. Саша приложил ухо к двери. Ни звука телевизора, ни привычного грохота басов из старого музыкального центра, на котором Макс обычно слушал свой Rammstein. Ничего. Саша постучал ещё, уже отчаяннее, но дверь оставалась немой и закрытой. Тогда он побежал к Ване. Дверь открылась не сразу, и когда Ваня появился на пороге, по его лицу было видно — он тоже только что встал.

— Привет... — Ваня зевнул во весь рот, потирая волевой подбородок с ямочкой. — Что так рано?

— Мои на работе, света нет. Делать дома нечего. Зашёл за Максом, а он не открывает.

Ваня нахмурился.

— Да спит, наверное.

— Давай сходим к Антону, — предложил Ваня, уже натягивая кроссовки. — Он-то точно дома, его мама никогда не выпускает не накормив.

Антон жил на пятом этаже. Дверь открыл его отец, дядь Стас. Высокий, когда-то могучий, а теперь как будто немного съёжившийся внутри себя мужчина. На его лице, обветренном и жёстком, лежала печать того, что видели немногие: пески Афганистана и слепящая чернота четвёртого энергоблока Чернобыля. Дядь Стас улыбнулся им, но глаза остались где-то далеко — то ли в Афгане, то ли в Чернобыле. Антон говорил, у отца бывают «флешбэки». Сейчас был именно такой взгляд: вроде смотрит на тебя, а видит что-то другое. И страшно спросить — что.

— А, пацаны! — его голос был хриплым, будто простуженным, но приветливым. — Тоха! Твоя свита пожаловала! Отрывай пятую точку от кровати!

Из глубины квартиры донёсся сдавленный стон. Пахло блинами и чем-то домашним, уютным. В дверном проёме кухни мелькнула тётя Зоя, мать Антона — маленькая, юркая женщина с добрыми, но вечно бегающими, полными беспокойства глазами. Она ассоциировала себя не с собой, а с семьёй: её муж, её сыновья — это были её вселенные, и тревожилась она всегда за них, никогда за себя.

— Сашенька, Ванюша! Заходите, чайку попьёте!

— Спасибо, тётя Зоя, мы уже, — вежливо отказался Саша, но его взгляд уже искал Антона.

Тот появился, как всегда, внезапно — невысокий, худой, с торчащими, как локаторы, ушами, которые он ненавидел всей душой. Но голова соображала у него будь здоров. Не то чтобы гений, но если надо было в компе поковыряться или рацию настроить — он первый. Телевизор отцовский, правда, не собирал, но в «Денди» картриджи умел пропаявать так, что они потом годами работали. И пароль на школьном компе мог сбросить, чтобы потом в CS по сети играть. Его семья была его крепостью и его полем боя одновременно. Отец-фронтовик с невидимыми ранами, мать — тревожная птичка и старший брат Семён — его якорь и совесть.

Антон, засунув в рот целый блин, буркнул:

— Пошли! Только брата разбужу.

Он шмыгнул в комнату, откуда через секунду донёсся сонный, но твёрдый голос Семёна: «Тоха, дай поспать, каникулы же...» Но Антон уже вылетел в коридор, захлопнув дверь.

По дороге к дому Макса Антон, размахивая руками, делился своими версиями отключения: «Диверсия! Или военные эксперименты! Я читал, есть такие генераторы, которые могут гасить всё поле вокруг!» Но его болтовня как-то сникла, когда они снова оказались перед немоёй дверью Макса.

— Может, у дяди Вити? — предположил Антон. — У него же генератор. Если света нет во всём посёлке, Макс первым делом рванул бы туда, где есть розетка и Rammstein.

Мысль была логичной. Макс вообще никогда не сидел на месте, если можно было что-то придумать. Его мозг работал как хорошо отлаженный механизм, постоянно генерируя идеи, большинство из которых были, мягко говоря, сомнительными, но некоторые — гениальными. История с петардами была одной из таких, хотя и спорной идеей.

Дело было под Новый год. В городке, как и во многих провинциальных посёлках, с пиротехникой было туго. Точнее, она была, но втридорога и в скудном ассортименте. Макс, который мечтал о новом усилителе для своей старенькой гитары, увидел в этом не проблему, а золотую жилу. Он провёл небольшое маркетинговое исследование среди пацанов, выяснил спрос, при-

кинул возможную наценку и понял: надо ехать в Калининград. Там, в большом городе, наверняка есть оптовые склады, где можно закупиться по дешёвке.

Проблема была в деньгах. У Макса в кармане звенели последние девятьсот рублей, отложенные на чёрный день (который, по его мнению, наступил прямо сейчас). Но Макса это не остановило. Он был уверен, что главное — начать, а там разберётся. Утром, соврав матери, что едет на секцию по баскетболу, он сел в автобус. Час тряски, созерцания унылых пейзажей за окном, и вот он, Калининград, — город больших возможностей и, как надеялся Макс, дешёвых петард.

Первым делом он отправился на рынок. Оптовые ряды, шум, гам, запах мандаринов и пороха. Макс быстро нашёл нужную палатку. Продавец, здоровенный мужик с золотой цепью на шее, окинул его скептическим взглядом.

— Чего надо, пацан?

— Петарды, — Макс постарался придать голосу солидности, но он всё равно предательски дрогнул. — Оптом. На большую сумму.

Продавец хмыкнул, оценив его тощие девятьсот рублей.

— Мал ещё. Не продам. Иди уроки учи.

Потом он подходил к другим палаткам, но все отвечали одно и то же: «Мал ещё».

Мир Макса рухнул. Все его грандиозные планы, новый усилитель, уважение пацанов — всё рассыпалось в прах. Он вышел с рынка, чувствуя себя полным идиотом. Но Макс не был бы Максом, если бы сдался так просто. Он сел на лавочку у вокзала, наблюдая за суетой. Люди спешили, куда-то ехали, что-то покупали. И тут его взгляд зацепился за двоих. Двое мужчин лет сорока с красными лицами и помятыми куртками грелись у ларька, потягивая дешёвое пиво. Классические «вокзальные алкоголики».

И тут Макса осенило. «Главное — не врать самому себе и видеть, кому что нужно». Эти мужики хотели выпить. А Максу нужно было купить петарды. И он знал, как это связать.

Он подошёл к ним, стараясь выглядеть максимально уверенно.

— Здрасьте, мужики. Дело есть.

Один из них, тот, что крупнее, с опухшим носом, лениво поднял на него глаза.

— Чего тебе, пацан? Мелочь есть?

— Мелочь есть, — Макс достал часть своих купюр. — И не только. Мне нужно купить петарды оптом. Но мне не продают, говорят, мал ещё. А вам продадут. И за то, что вы мне поможете, дам по полтиннику. Как вам?

Мужики переглянулись. Сто рублей за то, чтобы просто купить петарды? Это звучало как манна небесная. Они, конечно, были алкоголиками, но не дураками. Сделка была выгодной.

— А не кидалово? — спросил второй, более худой и подозрительный.

— Какое кидалово? — возмутился Макс. — Я вам деньги вперёд даю. Вы покупаете. Потом вам сразу по пятьдесят рублей. Всё честно. Я же не прошу вас бесплатно работать.

Крупный мужик, которого звали Вася, хлопнул по плечу своего товарища.

— Да ладно тебе, Колян. Пацан дело говорит. Нам-то что? Пройдёмся, купим.

Сделка была заключена. Макс выдал им деньги, объяснил, какие именно петарды ему нужны, и отправил их на рынок. Сам он остался ждать у ларька, нервно поглядывая на часы. Он боялся, что мужики кинут его и заберут все деньги. В голову полезли тревожные мысли. Но на его счастье через пятнадцать минут они вернулись, нагруженные двумя большими пакетами. Макс тут же вручил им обещанные деньги.

— Вот это бизнесмен! — Вася похлопал Макса по плечу. — Не то что мы, старые пни.

Наш коммерсант, довольный собой, еле дотащил свои сокровища до автовокзала. Обратный путь был куда веселее. Он представлял, как пацаны в посёлке К. будут сходить с ума от такого ассортимента. И он не ошибся. Через неделю не осталось ни одной целой петарды, а у Макса в кармане лежала сумма, на которую можно было купить новый усилочек для гитары.

А ещё Макс вообще никогда не лгал. Мог выдать правду в лицо так, что она звенела. Но почему-то на него никто не обижался. То ли из-за того, что он сам жил по тем же правилам, то ли из-за его обаяния, за которое ему прощали любую резкость.

— Пошли на хутор, — сказал Саша, и они свернули с дороги в лес.

Дорога на хутор Михайловка в два с половиной километра через лес была их обычной прогулкой. Но сегодня лес казался другим. Смешанный, пахнувший хвоей, прелой листвой и спеющей земляникой, он был прекрасен. Но тишина в нём была не природной, а настороженной, будто и звери, и птицы затаились. Они шли, почти не разговаривая, перепрыгивая через знакомые ручьи, обходя завалы бурелома. Идиллию разорвал далёкий нарастающий гул.

Выбравшись на старую, мощённую ещё немцами дорогу на опушке, они увидели её с возвышенности. Колонну. Не просто машин, а военных машин. «Уралы» с закрытыми брезентом кузовами, юркие газики, КАМАЗЫ с цистернами. Пятнадцать, двадцать единиц. Они ползли, как железная гусеница, в сторону посёлка, поднимая облако рыжей пыли.

— Учения? — неуверенно спросил Ваня.

— Мама бы сказала, — тихо ответил Саша. — Её бы на заставу мобилизовали кормить личный состав.

Хутор Михайловка стал глотком нормальности.

Старый немецкий фахверковый дом, увитый хмелем, утопал в зелени. И из открытых окон на всю округу, разрывая давящую тишину, неслось: «...Amerika, Amerika!» Макс действительно был здесь — он сидел на крыльце рядом с дядей Витей, и они что-то азартно чертили палкой на земле.

Дядя Витя был в инвалидном кресле — стареньком, но на удивление юрком, с погнутыми колёсами и подушкой, на которой кто-то вышил «Сцена — мой дом». Когда парни подошли, он ловко развернулся, почесал лысину и улыбнулся им как старым друзьям.

— Вливайтесь в коллектив! У нас тут и генератор гудит, и музыка играет, и яблоки падают прямо в рот!

Историю дяди Вити в посёлке К. знали все, но рассказывал он её сам каждый раз по-разному. Говорили, лет десять назад, когда его театр «Верхотура» гремел на всю область, дядя Витя придумал номер с падением с пятиметровой конструкции. Должен был поймать страховку в последний момент — классический трюк, эффектно и безопасно. Но то ли страховка подвела, то ли сам дядя Витя решил, что искусство требует жертв, только приземлился он совсем не туда, куда планировал. Позвоночник выдержал, но после того случая ходить стало больно. Не невозможно, а именно больно. Каждый шаг отдавал в ноги с такой силой, что дядя Витя плюнул, пересел в коляску и сказал: «Буду великим сидячим режиссёром. Так даже солиднее».

С тех пор он и сидел. Вставал только дома, когда никто не видел — Макс как-то застал его на кухне, но сделал вид, что ничего не заметил. Дядя Витя в коляске был быстрее, чем некоторые на своих двоих, и парни давно привыкли не обращать внимания.

— Колонну военных видели? — без предисловий спросил дядя Витя, откатываясь от крыльца, чтобы освободить место.

Но ребята только улыбнулись, не подав виду, что это их хоть каплю интересует.

День на хуторе прошёл как в раю. Они слушали новый альбом Rammstein, дядя Витя учил их брэнчать «Кукушку». Показывал аккорды и напевал. Они объедались гигантскими сладкими яблоками сорта белый налив и резались в дурака на шелбаны. Но у каждого из участников этого «бойзбенда» сохранялось ощущение необъяснимой тревоги.

И дядя Витя, конечно, не мог этого не чувствовать. Когда солнце начало клониться к верхушкам сосен, окрашивая небо в медовые тона, он отложил карты.

— Ладно, мусолить эту тему дальше — себе дороже. Давайте попробуем послушать, о чём эти ребята в камуфляже перешёптываются. Если во всём посёлке вырубил свет, телефоны не работают, то военные общаются с помощью раций, работающих в УКВ-диапазоне. Вдруг повезёт и они в суматохе не успели всё зашифровать?

Он крутанул колёса, подъехал к дому и через минуту вернулся с чёрным, потрёпанным, но грозного вида ящиком на коленях — армейской радиостанцией «Р-105М».

— Отцовский трофей, — усмехнулся он, похлопав по облезлому боку. — На УКВ-диапазоне должен ловить. Если, конечно, батарейки не сели за те десять лет, что я тут сижу и в небо смотрю.

Он включил её. Аппарат ожил довольным гулом и шипением. Покрутив ручку, он ничего не поймал.

— Мощности штатной антенны не хватит, чтобы пробить их помехи, — авторитетно заявил Антон, — Нужна направленная антенна. Дядя Витя, у вас есть медный провод?

Дядя Витя, как волшебник, указал на сарай, заваленный «полезным хламом». Для Антона этого было достаточно. Он откопал два метра медной проволоки. Одним концом обмотал штатную антенну, а другой безуспешно пытался закинуть на яблоню. Но тут Ваня с ловко-

стью обезьяны схватил второй конец новой антенны и в считанные секунды был уже на дереве и приматывал её к суку.

Антон надел большие наушники и оттопырил один динамик от уха, чтобы ребята тоже слышали. Далее направил приёмник в сторону, куда утром отправилась колонна, и начал медленно, миллиметр за миллиметром, крутить ручку настройки.

Шипение менялось, в нём проскальзывали обрывки цифр, неразборчивых команд... И вдруг — сквозь все помехи, как удар ножа:

«...приём. Периметр... оцеплен... установлены. Режим "Купол" активирован...»

Тишина, воцарившаяся на хуторе, была теперь иного качества. Она была тяжёлой, звенящей, как воздух перед ударом грома.

— Повторите последнее... — прошептал Ваня, не веря ушам.

— Периметр, — глухо сказал Макс. — Значит, это ловушка. Мы в клетке.

— «Купол»... — Саша почувствовал, как у него похолодели ладони. — Почему «Купол»?

Дядя Витя снова почесал свою лысину и медленно выдохнул.

— Пацаны... Мне кажется, вам пора. И будьте, ради всего святого, осторожнее. Это пахнет не учениями. Это пахнет чем-то... с чем даже мои книжки не сталкивались.

Обратная дорога через лес была уже не прогулкой, а бегством. Каждый шорох, каждый скрип ветки заставлял вздрагивать. Лес перестал быть другом. Он стал стеной этой самой «клетки».

Но перед самым въездом в посёлок, у старой, давно не работающей кочегарки росла та самая проклятая яблоня. Ритуал был нерушим. «Камень, ножницы, бумага». Проиграл Макс. Он подошёл к дереву, сорвал небольшое, невзрачное, зелёное, как окись меди, яблоко. Протёр его о футболку. Все замерли в ожидании.

Он откусил. И в тот же миг его лицо перекосила гримаса. Даже жевательная резинка Center Shock со взрывной кислоткой внутри казалась сахарной ватой в сравнении с этим яблоком. Это была концентрированная, ядрёная, пронизывающая всё существо кислота, от которой сводило скулы, щипало язык и рефлекторно закрывались глаза. — Макс попытался прожевать, издал звук, средний между хрипом и смешком, и выплюнул мякоть, едва сдерживая рвотный позыв.

— Жесть... — выдавил он, облизывая губы. — Это не яблоко... это... химическое оружие!

Все расхохотались...

Дома Сашу ждали родители. Сидели в темноте, при свете той же керосиновой лампы.

— Сын, садись, — сказал отец. Его черты лица были заострены сильнее, чем обычно. — Сегодня у меня был неприятный разговор, неважно с кем. Слушай внимательно. Объявлять

официально будут завтра в полдень, но... К. теперь на особом положении. Посёлок оцеплен. Въезд и выезд — только по спецпропускам.

— Но как жить? — спросил Саша, чувствуя, как подступает страх.

— Обещают организовать снабжение. Жизнь, — отец произнёс это слово с горьким ударением, — должна идти как обычно. Дети гуляют, взрослые... выполняют указания. Говорят, исследования займут неделю. Может, меньше.

— Пап, а что на самом деле? — посмотрел на него Саша, пытаясь поймать взгляд.

— Не знаю, сынок. Но... запомни. Если увидишь что-то странное — не лезь, беги ко мне. В посёлке теперь будут ходить военные патрули. Держись от всех подальше.

Саша кивнул. Нужно было всё уложить в голове: патрули, оцепление, режим «Купол»...

«Завтра будет тяжёлый день», — подумал он, ложась в кровать. Но теперь эта мысль уже не парализовала. Она зажигала внутри холодный ясный огонь. Безумный интерес, смешанный со страхом, не давал уснуть. Саша всё крутил в голове: «Как добыть больше информации?» Ведь периметр сомкнулся. Игра началась.

Глава 4. Странная встреча

26 августа 2005

Следующий день начался странно. Саша проснулся в девять от лучей солнца и сразу услышал шуршание родителей. Он вышел в коридор и увидел обоих на кухне. Отец, Анатолий Сергеевич, пил чай, мама, Ольга Сергеевна, что-то помешивала в миске. Но тут же Сашу накрыла волна тёплой, почти забытой радости. Родители дома! Все вместе! У них редко выпадали такие утра. Они переехали из Казахстана, все родственники остались там, и в этом посёлке они были друг у друга всем — семьёй-островком. Такие моменты за завтраком были бесценны.

Мама Саши принялась стряпать его любимые тончайшие, почти прозрачные блинчики. Аромат подрумяненной сковороды разлился по квартире, вытесняя тревожные мысли. Саша любил заворачивать в них густую сметану, смешанную с терпким смородиновым вареньем, — странное, но невероятно вкусное сочетание.

— Вот я в твои годы, — начал отец, с удовольствием откусывая блин, — собрал свой первый детекторный приёмник. Из банки, проволоки, иголки и кристаллика. Сидел ночами, ловил «морзянку» с проходящих судов на Иртыше. В кружок радиотехники ходил. Интересное было время.

Саша смотрел на отца и думал про Антона. Откуда у того, не ходившего ни в какие кружки, такие знания? Вчерашняя импровизированная антенна была безумно простой и эффективной. Но он промолчал. Родителям не нужно было знать, что он в такое беспокойное время убежал за несколько километров от дома. Пусть думают, что он просто гулял.

Они болтали и смеялись, как в лучшие выходные, но часы на стене неумолимо приближали стрелку к двенадцати. Отец вздохнул, отодвинул тарелку.

— Ну что, коллектив, пошли. Послушаем, что за сказки нам расскажут.

На улице царил непривычная оживлённость. Казалось, вышел весь посёлок — полторы тысячи человек. Все возмутились.

— Почему мой грузовик с продуктами не пропускают? — кричал местный бизнесмен.

— Нам нужно на почту, сегодня день выплаты пенсии, — жаловались бабули.

Воздух был раскалён до предела. У двухэтажного здания администрации, занимавшего всего две квартиры на первом этаже хрущёвки, за ночь военные соорудили примитивную трибуну из поддонов. На ней стоял председатель посёлка, Василич, растерянно ежась, а рядом — несколько человек в форме и один в строгом сером гражданском костюме.

Василич что-то пробормотал в микрофон, его голос дрожал: «Спасибо, что пришли... Случились небольшие неприятности... Эти люди помогут...» — и быстренько уступил место человеку в костюме.

— Чекист, — тихо, сквозь зубы, выдохнул Сашин отец. — С одного взгляда видно.

— Откуда тебе знать? — шепнула мама.

— По глазам. Пустые, — отрезал отец. — А если серьёзно, то он вчера ко мне приходил, — продолжил он, улыбнувшись.

Накануне Анатолий Сергеевич сидел в своём кабинете, когда за окном остановилась машина. Не обычный «УАЗик» участковых, а тонированная «Волга» с номерами, которые запоминать не принято. Он отодвинул папку с заявлениями и машинально поправил воротничок рубашки под кителем.

В дверь постучали. Коротко. Весомо.

— Открыто.

Вошёл человек в сером костюме. Без пиджака, рукава рубашки аккуратно подвёрнуты, на запястье — «Командирские» часы, старого образца, но ухоженные. Такие же, как у самого Анатолия Сергеевича, только те, что на руке участкового, были исцарапаны заборами, дверями и протоколами. У этого — блестели ровно настолько, чтобы не выглядеть музейным экспонатом.

— Анатолий Сергеевич? — гость не спрашивал, утверждал. — Я — майор службы безопасности Игнатов Сергей Андреевич. — Он достал удостоверение, слегка его приоткрыл и тут же убрал в карман. Можно без отчеств, мы, кажется, ровесники.

Рукопожатие было сухим, коротким, без лишних эмоций. Ладонь жёсткая, но не мозолистая — рука человека, который держит не оружие, а ручку, подписывающую приказы.

— Присаживайтесь, — участковый кивнул на стул напротив стола. — Чай? Кофе? У меня, правда, без электричества только кипяток в термосе.

— Одна ложка кофе, две сахара.

Анатолий Сергеевич достал жестяную банку Nescafé, высыпал в стакан остатки кофе и залил кипятком. Гость взял напиток, но пить не стал. Поставил перед собой и обвёл взглядом кабинет. Быстро, профессионально, цепляясь за детали: выпел на стене, семейное фото на столе, стопка протоколов, аккуратно подшитых в скоросшиватели.

— Порядок у вас, — заметил Сергей Андреевич. — Редкость для таких мест. Обычно участковые пункты в области больше на сараи похожи. А у вас... системность.

— Привычка, — пожал плечами хозяин кабинета. — Беспорядок в делах — беспорядок в голове. А мне с людьми работать.

— Это точно, — гость кивнул и вдруг посмотрел прямо в глаза. Взгляд у него был тяжёлый, немигающий, как у оператора, который наводит объектив на крупный план. — С людьми работать — голову нужно иметь ясную. Особенно сейчас, когда вокруг... непонятно что.

Повисла пауза. Анатолий Сергеевич выдержал взгляд. В его работе умение молчать было не менее важным, чем умение говорить. В кабинете тикали настенные часы. Где-то в коридоре скрипнула половица.

— Я вас сразу спрошу, — наконец сказал гость, отводя взгляд к окну, за которым синели сумерки. — Что вы знаете о том, что произошло?

— Электричество пропало. Связь не работает. Люди нервничают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.